

Психологические аспекты деформаций правосознания и юридической ответственности

Малько А.В.

Тольяттинский государственный университет (ФГБОУ ВО ТГУ), г. Тольятти, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Липинский Д.А.

Тольяттинский государственный университет (ФГБОУ ВО ТГУ), г. Тольятти, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>, e-mail: dmitri8@yandex.ru

Зрячкин А.Н.

Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО СГЮА), г. Саратов, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8349-6632>, e-mail: alnikol@yandex.ru

Мусаткина А.А.

Тольяттинский государственный университет (ФГБОУ ВО ТГУ), г. Тольятти, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6974-082X>, e-mail: musatkinaaa@mail.ru

Исследуются различные формы проявления деформации правосознания во взаимосвязи с позитивной юридической ответственностью. Сопоставляются признаки субъективной стороны юридической ответственности и правосознания. Обосновывается несколько схематический подход к исследованию самих признаков субъективной стороны юридической ответственности. Авторами выявляются диалектические противоречия между юридической ответственностью и формально правомерным поведением; юридической ответственностью и безответственностью с правовым нигилизмом и идеализмом. Делается вывод о том, что такие явления, как идеализм, ложно понятые цели правового регулирования, характеризуют деформированное правосознание субъекта, внешним проявлением которого является формальное правомерное поведение субъекта, внутренне являющееся безответственным. Обосновано, что правовой идеализм, чрезмерное ведомственное правотворчество, излишняя регламентация общественных отношений являются проявлением внутренней безответственности и обусловлены стремлением к бюрократизации и достижению ложных целей правового регулирования.

Ключевые слова: юридическая ответственность, правосознание, субъективная сторона ответственности, правовой нигилизм, правовой идеализм, виды правового идеализма, позитивная ответственность, юридическая безответственность.

Малько А.В., Липинский Д.А.,
Зрячкин А.Н., Мусаткина А.А.
Психологические аспекты деформаций
правосознания и юридической ответственности
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 140–153.

Malko A.V., Lipinsky D.A.,
Zryachkin A.N., Musatkina A.A.
Psychological Aspects of Deformations
of Legal Consciousness and Legal Liability
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 140–153.

Для цитаты: Малько А.В., Липинский Д.А., Зрячкин А.Н., Мусаткина А.А. Психологические аспекты деформаций правосознания и юридической ответственности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 140–153. DOI:10.17759/psylaw.2022120411

Psychological Aspects of Deformations of Legal Consciousness and Legal Liability

Alexander V. Malko

Togliatti State University, Togliatti, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Dmitriy A. Lipinsky

Togliatti State University, Togliatti, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>, e-mail: dmitri8@yandex.ru

Alexander N. Zryachkin

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8349-6632>, e-mail: alnikol@yandex.ru

Alexandra A. Musatkina

Togliatti State University, Togliatti, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6974-082X>, e-mail: musatkinaaa@mail.ru

The article studies various forms of legal consciousness deformations in its connection with the positive legal liability and legal awareness. The presented research material justifies the somewhat schematic approach to the study of subjective aspects within the legal liability. The authors identify the dialectical contradictions between legal liability and formal legitimate behavior; legal liability and irresponsibility with legal nihilism and idealism. It is concluded that such phenomena as idealism and misunderstood legal regulation objectives characterize the distorted subjects' legal awareness with its external formally legitimate behavior and internal irresponsibility. It has been also substantiated that legal idealism, excessive institutional law-making and public relations regulation form the internal responsibility due to the bureaucratization and false objectives achievement in legal regulation.

Keywords: legal liability, legal consciousness, the subjective side of responsibility, legal nihilism, legal idealism, types of legal idealism, positive responsibility, legal irresponsibility.

For citation: Malko A.V., Lipinsky D.A., Zryachkin A.N., Musatkina A.A. Psychological Aspects of Deformations of Legal Consciousness and Legal Liability. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 140–153. DOI:10.17759/psylaw.2022120411 (In Russ.).

Введение

Прежде чем вести речь о психологических аспектах деформации правосознания и юридической ответственности, необходимо определить наше понимание феномена юридической ответственности. В современной научной литературе ее определяют неоднозначно, от полного отрицания позитивной юридической ответственности, до признания ее главенствующей роли в жизни общества, но само обоснование юридического характера позитивной ответ-

ственности не входит в предмет данного исследования, мы исходим от этой посылки в качестве должного. При этом сторонников позитивной юридической ответственности часто упрекают в привнесении в ее содержание не юридических, а психологических и моральных категорий. Действительно, теория позитивной юридической ответственности изначально отождествляла ее с чувством долга по отношению к порученному на основе правовых норм дело, фактически сводя все ее содержание к одному из компонентов психики субъекта — эмоциональному фону [23]. В современных юридических исследованиях отмечается тесная взаимосвязь между объективной и субъективной сторонами позитивной юридической ответственности, а также объективной и субъективной сторонами правомерного поведения, хотя последнее не является тождественным самой позитивной юридической ответственности [15]. С применением метода структурного анализа, а также некоторым свойственным для юридической науки формализмом в структуре субъективной стороны позитивной юридической ответственности определяются осознание требований правовых норм — выработка к ним определенного психического отношения (эмоциональный фон), а также мотивы правомерного поведения [15, с. 48]. В свою очередь «психическое отношение» является своеобразной интегрирующей категорией, включающей в себя волю и сознание субъекта. В дальнейшем психическое отношение опредмечивается в поведении субъекта, которое опять же постоянно находится под контролем воли и сознания. Вполне понятно, что такая схема носит достаточно условный характер и необходима для научно-познавательных целей. Сама мотивация субъекта к правомерному поведению может быть от глубокого и уважительного отношения к закону до маргинальных мотивов, основанных на страхе перед наказанием. Поэтому варьируется и структура с содержанием самого психического отношения, которое условно можно назвать положительным и позитивным, выступающим своеобразным противовесом вине, центральным элементом которого является отрицательное отношение к существующим в обществе ценностям.

Возникает вопрос, почему мы называем в целом психическое отношение позитивным несмотря на то, что в нем могут присутствовать маргинальные мотивы или побудители, основанные на переоценке роли права, правовой неграмотности и т. д.? А ответ кроется в особенностях внешнего опредмечивания психического отношения в правомерном поведении субъекта, подлежащее юридической оценке со стороны контролирующей инстанции. В связи с этим стоит вспомнить известное изречение К. Маркса, давно ставшее крылатым: «...помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом». Возникает вопрос, а для чего правовой науке необходимо изучать деформации правосознания, особенности психического отношения в рамках субъективной стороны позитивной юридической ответственности, при том, что поведение или деятельность являлись правомерными и можно сказать, что была достигнута одна из целей правового регулирования. Дело в том, что такое поведение, находится на грани с противоправным, не согласуется с целями правового государств, выступая образцом для подражания, воспроизводит аналогичные деяния со стороны других граждан. Кроме того, как показывает практика, такое поведение (деятельность) часто приводит к формальному результату без достижения социально полезных целей. Вопрос исследования деформаций правосознания и позитивной юридической ответственности находится в плоскости ложно понимаемых самими законодательными органами целей правового регулирования, стремлением зарегистрировать посредством запретов и излишней детализации требований правоотношения, малейшее отступление от которых может приводить к наступлению юридической ответственности.

Правовой нигилизм, идеализм и позитивная юридическая ответственность

Проблема психологических аспектов деформаций правосознания и связи с ними юридической ответственности в настоящее время изучена слабо. Между тем эти вопросы должны вызывать самый непосредственный научный интерес, поскольку именно неверное внутреннее восприятие правовых ценностей, их излишняя идеализация, а затем развенчание вплоть до полного отторжения могут привести субъекта к противоправному поведению и повлечь его привлечение к юридической ответственности. И напротив, воспитание личности в духе уважения к закону, привитие общей и юридической культуры ведут к полноценной реализации прав и обязанностей с возможностью положительной оценки такой позиции со стороны общества и государства, т. е. вызывает ответственность позитивную, при которой сам субъект нацеливается на совершение конструктивных поступков. Психологические моменты играют в этом процессе важнейшую роль, поскольку именно эмоциональное восприятие происходящего, формирование собственного внутреннего отношения к нему становятся основой для конкретных деяний. Однако в современной юридической науке раскрытие данных вопросов имеет место лишь в связи с отдельными аспектами прикладных исследований, не нося комплексного характера.

Непосредственно правосознание в контексте юридической психологии определяется как «...сфера общественного, группового и индивидуального сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение человека в юридически значимых ситуациях» [21]. В.П. Малахов указывает, что «...правосознание — это сознание права правовым существом, т. е. самосознание правового существа» [16]. Для юридической психологии системой таких ценностей выступает, соответственно, «...совокупность взаимосвязанных между собой идеалов и смыслов, выработанных на основе интеграции правовых и психологических знаний, представляющая собой единое целое образование и детерминирующее ее цели» [9, с. 144].

Полагаем, что в числе значимых явлений в таком ключе находится и юридическая ответственность, которую в позитивном аспекте определяют как феномен, находящий юридическое выражение в различных отраслях позитивного права, однако при этом сцементированный изнутри собственными принципами (существующими совместно и наряду как с общеправовыми, так и с отраслевыми принципами права), функциями, целями, основаниями применения [14]. В свою очередь, негативное свойство, свидетельствующее о многочисленных деформациях правосознания, в науке предлагается именовать юридической безответственностью и считать проявлением правовой антикультуры [4]. Считаем необходимым указать, что оба этих феномена глубоко психологичны и непосредственно зависят от тех установок, которыми в своем поведении руководствуется каждый субъект.

Бурное информационное развитие современного общества привело к тому, что усиливается воздействие на население нашей страны, в первую очередь на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей [26]. Наиболее важное значение информационные элементы имеют в психологическом механизме и именно в союзе со специально-юридической, психологической, воспитательной и социальной формами правового воздействия могут дать «плодотворное сотрудничество» [17, с. 55]. А в условиях возникшей у нас еще в период «перестройки» правовой эйфории у многих сложилось убеждение, что достаточно принять хорошие, умные законы, как все сложнейшие и острейшие проблемы будут решены. Но, как заметил Н.И. Матузов, «...чуда не происходило, законы при-

нимались, а дела стояли на месте или даже ухудшались. В результате наступило известное разочарование в законах, появились признаки правового скепсиса» [19, с. 189—190]. На смену идеализму, как глубоко психологичному феномену безоговорочной веры во всемогущество права и закона, начало приходить не менее яростное демонстративное отрицание ценности и значимости правового регулирования. Сформировавшийся соответствующим образом юридический нигилизм выступил второй стороной этой патологии.

В отдельных источниках можно встретить точки зрения, согласно которым правовой нигилизм представляет собой не столько разрушительную деформацию правосознания, сколько выступает как «...компенсаторная реакция психики, определенный *способ адаптации* индивида к социокоммуникативной ситуации, в которой (официальное) право не является действительным регулятором, доминирующим стимулом в принятии (юридически значимого) решения» [10, с. 21]. Соответственно, очень многое в проявлениях нигилизма зависит от конкретных установок субъекта-носителя, его отношения к конкретным ценностям и идеалам. При этом стоит отметить, что структура понятия «отношение» в психологии детально разработана и включает в себя познавательные, эмоциональные, поведенческие компоненты [2].

В.Н. Карташов обращает внимание на то, что в большинстве работ, посвященных правовому нигилизму, «...объектом негативной оценки выступает почему-то только право. В реальной же действительности отрицательное отношение граждан и должностных лиц, их коллективов и общностей проявляется к самым разнообразным компонентам правовой системы общества: правосознанию (юридическим взглядам и идеям, правовой психологии и идеологии, индивидуальному и надындивидуальному, обыденному и научному, профессиональному и т. п.), юридической практике (правотворческой, правореализующей, интерпретационной, правосистематизирующей, судебной, следственной, адвокатской, нотариальной), правоотношениям (субъектам, субъективным правам и субъективным юридическим обязанностям, средствам их реализации) [11, с. 188—189]

Отличительная черта психологии нигилизма — дуализм ее структуры, «включающей элементы негативизма и позитивизма» [25, с. 16]. Если первый предстает как бессмысленное внутреннее сопротивление субъектов предписаниям норм права либо их прямое нарушение, то в рамках позитивизма законодательное регулирование превращается в исходящий от государства как организации политической власти *принудительный* порядок социальных отношений.

Г. Кельзен, обосновывая «чистое учение о праве», подтверждал этот тезис: «Право отличается от других социальных порядков тем, что это принудительный порядок. Его отличительный признак — использование принуждения; это означает, что акт, предусмотренный порядком в качестве последствия социально вредного действия, должен осуществляться также и против воли его адресата (*der Betroffene*), а в случае сопротивления с его стороны — и с применением физической силы» [13, с. 51—52].

При анализе основных постулатов юридического позитивизма и сопоставлении их с утверждениями естественно-правовой школы, в научной литературе обозначено существование «...по меньшей мере трех “юридических нигилизмов”: легистского, социологического и собственно правового» [5, с. 79].

Каждая из указанных разновидностей раскрывается, исходя из трехкомпонентной структуры социальной установки, включающей когнитивную (осознание объекта и ситуации), аффективную (их эмоциональная оценка) и конативную (собственно поведенческая установка, готовность реагировать) составляющие [29].

Соответственно, с учетом постоянно культивируемых условий и весьма «урожайных» источников, формирование такого трехмерного нигилизма напоминает непрерывную цепную реакцию. Господство юридического позитивизма неизбежно приведет к формированию безответственности, к тому, что закон перестанет восприниматься людьми как средство защиты их прав и интересов, а потому потеряет смысл всякий стимул к его соблюдению, уважению, защите. В силу формальности и малой полезности закона общество перестанет изучать его с целью познания, потеряет желание ценить его, соответственно, с легкостью предпочтет игнорировать действующие нормы (легистский нигилизм). Фактический порядок при таком положении вещей не потеряет только силовую опору и начнет восприниматься людьми как несправедливый (социологический нигилизм). Замкнет цепочку собственно правовой нигилизм — отрицание ценности законодательных предписаний с позиции обыденного сознания.

Созданное положение можно охарактеризовать как своеобразный порочный круг, ибо «...там, где юридический нигилизм овладевает наукой, там неизбежен практический нигилизм в жизни народа» [28, с. 201]. Таким образом, утрачивается связь права с личностью, придающая, по словам Р. Иеринга, «...всем правам, какого бы рода они ни были, несоизмеримую стоимость» [8, с. 37]. Именно этот процесс наблюдался на протяжении многих периодов российской истории. Не становится исключением из него и день сегодняшний. В частности, анализируя характеристики современной молодежи, в литературе отмечают отсутствие абсолютных авторитетов, неприятие или даже противопоставление ценностей центиналов установкам предыдущих поколений [3, с. 141—142], что ярко характеризует плодородную «почву» для новых всходов правового нигилизма.

Вторая сторона медали — юридический идеализм — также выступает патологией правосознания и правовой культуры, поскольку возложение, пусть и из лучших побуждений, на нормы законодательных и подзаконных актов излишних чаяний и надежд также отрывает субъекта от реальной правовой жизни, увлекая в мир грез и собственных представлений о действительности.

Яркий пример правового идеализма — установление административной ответственности в Приморском крае еще в 2018 г. за нарушения правил охраны жизни людей на водных объектах, которое осуществляется ради повышения безопасности. Выход на лед в период запрета влечет предупреждение или штраф для граждан от 100 до 500 рублей, выезд на лед автотранспорта для граждан — до 3 тысяч рублей, для юридических лиц — от 20 до 50 тысяч. Однако прибрежная морская зона принадлежит Российской Федерации и, согласно статье 68 Водного кодекса РФ, административная ответственность за нарушение водного законодательства наступает в соответствии с законодательством РФ (а не субъекта РФ). Другими словами, местное законодательство в этой части перестало соответствовать федеральному, в рамках которого только и возможно решение данного вопроса. Отсюда местный закон стал существовать просто так, сам по себе, как пугало, без реальных юридических последствий (штрафы фактически никто не взимает), что, по сути, влечет отрицательное отношение к правовым предписаниям и у правоприменителей, и у тех, кого подвергают задержаниям [7].

То есть если изначально замыслы урегулировать ту или иную сферу жизни и деятельности могут влечь позитивную юридическую ответственность, желание созидать что-то полезное и необходимое, то столкновение с реальностью, где замыслы оказываются труднодостижимыми или не воплощаются вовсе, приводит человека в ряды нигилистов, относящихся к любым ценностям отрицательно. Мнения же отдельных представителей научного сообщества о том, что нигилизм есть не что иное, как «специфический социальный ориентир, указывающий

вектор ведущих негативных тенденций в юридической сфере, без которого становится затруднительным поиск погрешностей и изъяснов права, неосуществимыми оказываются многие направления его улучшения [27], представляются несостоятельными. Такую позицию можно было бы назвать «разоруженческой», или «пораженческой». Безусловно, надо признать, что многие российские законы (как, впрочем, и законы в других странах) не идеальны, малоэффективны, не всегда достигают своих целей, отражают не в полной мере или даже вообще не выражают интересы граждан (вызывая чувство безответственности как одну из возможных реакций на сложившиеся реалии), но это не значит, что право в целом как гуманный демократический институт повинно в деформациях правосознания и что главная причина последних заключается в самом праве.

Жизнь показывает, что несовершенные законы после развенчания идеалов и надежд объективно способны подпитывать правовой нигилизм, отторгаться гражданами, восприниматься ими как несправедливые и т. д., но они не должны служить принципиальным основанием для оправдания безответственности. Отрицательное отношение к правовым нормам будет иметь место и тогда, когда восстановление справедливости, например, возвращение незаконно наложенных штрафов, затягивается в силу долгого улаживания вопросов между ведомствами [1].

А потому не только в теории, но и на практике необходимо тщательным образом поощрять и взращивать правосознание и правовую культуру личности, социальных групп и общества в целом, поддерживая правовое воспитание и проявления позитивной ответственности каждого субъекта. Помочь в формировании позитивного правосознания должны СМИ, теле- и радиоканалы, учреждения культуры. Необходимо распространять социальную рекламу правовой направленности, создавать творческие проекты по предоставлению базовых юридических знаний. Следует отказаться от популяризации криминальной культуры и перейти к демонстрации положительных примеров социального поведения.

Реже в юридической литературе обсуждаются такие деформации правосознания, как инфантилизм [10, с. 117—120] и релятивизм [6, с. 211—213], что никоим образом не отражается на важности их психологической природы. В частности, инфантилизм ярко проявился в условиях пандемии коронавирусной инфекции, когда немало, прежде всего молодых людей, не носили защитные маски, что напрямую было связано с неисполнением требований профилактики. Как следствие, в ряде регионов вводили за это ответственность — предупреждение или штрафы. Так, с 1 апреля 2020 г. в Амурской области за неисполнение обязанности по ношению масок физические лица могли быть привлечены к ответственности в виде предупреждения или наложения административного штрафа в размере от одной до 30 тысяч рублей. Подобная ситуация наблюдалась в Свердловской, Орловской, Саратовской областях и иных субъектах РФ.

А.В. Малюткин отмечает, что начало юридически значимым действиям личности придают волевые процессы, «... сформированные сложным, порой противоречивым характером борьбы мотивов. Эта борьба особо остро проявляется в сознании индивида, для которого правомерное поведение не стало нормой вещей, в силу которой он вынужден постоянно оценивать различные «за» и «против», чтобы выбрать тот или иной вариант поступков» [18, с. 39—49].

Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан содержат положения, согласно которым на формирование правовой культуры и правосознания позитивного типа оказывают влияние в том числе:

- характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей;

- качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в том числе закрепление и развитие у учащихся основ правосознания;
- распространение и использование доступных для восприятия информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание населения, в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде, а также с помощью средств массовой информации.

Соответственно, формирование в обществе устойчивого уважения к закону и преодоление правового нигилизма, повышение уровня правовой культуры граждан, включая уровень осведомленности и юридической грамотности, создание системы стимулов к законопослушанию как основной модели социального поведения и внедрение в общественное сознание идеи добросовестного исполнения обязанностей и соблюдения правовых норм становятся важнейшими принципами современной правовой политики. Эти направления, по нашему мнению, тесным образом связаны с психологическим воздействием на каждого субъекта и при грамотной реализации способны значительно снизить проявления деформаций правосознания.

Юридическая безответственность и позитивная юридическая ответственность

Понятие юридической безответственности — относительно новое в юриспруденции и мало исследованное. Тем не менее, определенные движения в направлении изучения данного феномена были уже сделаны в юридической науке. В частности, определены институциональный и правореализационный уровни проявления безответственности, а также различные формы ее выражения на данных уровнях; были выявлены ее отличительные характеристики от такого социально-правового явления, как юридическая аномия [15, с. 348]. Мы остановимся только на некоторых формах проявления юридической безответственности, не затрагивая такую ее крайнюю разновидность, как правонарушение, так как оно уже не связано с позитивной юридической ответственностью. При иных формах юридической ответственности с внешней стороны поведение субъектов характеризуется как правомерное, но с внутренней стороны в нем может быть деформировано правосознание, и в этом случае оно будет характеризоваться ложно понятыми ценностями, использованием полномочий формально без достижения соответствующего результата.

Сложность исследования деформаций правосознания и внутренней стороны безответственности именно с позиции институционального уровня обусловлена тем, что его субъектами являются носители властных полномочий, применить к которым методы анкетирования и интервьюирования весьма проблематично. В данном случае мы можем судить о тех или иных отклонениях в правосознании на основе внешней стороны их действий, достигнутых социальных результатов, реакции носителей обыденного правосознания на общее состояние социальной сферы, предоставленных им возможностей по реализации прав и свобод.

Итак, одной из форм безответственной деятельности следует назвать бюрократизацию всех управленческих процессов, причем бюрократизацию, направленную на воспроизводство самих себя и поддержание функционирования самой бюрократически организованной системы. Когда подобного рода деятельность становится краеугольным камнем всех иных управленческих процессов, то сложно утверждать о достижении истинных целей существования того или иного государственного органа. Принцип деятельности надзорных и контролирующих инстанций весьма прост: необходимо «изобретать» как можно больше требований (зачастую абсурдных и не поддающихся здравому объяснению), а затем их контролировать. Причем деятельность строится по принципу арифметической прогрессии — чем больше тре-

бований, тем, соответственно, должно быть больше субъектов, их контролирующих. По данным, размещенным на официальном сайте Росстат, количество государственных и муниципальных служащих с 2008 года увеличилось с 1161519 до 2157937 [24]. Следует отметить, что с 2013 года в данной статистике отражены сотрудники МВД РФ (около 800 000), но и с учетом этого наблюдается большой численный рост чиновников на фоне уменьшения населения нашей страны. В настоящее время оно соизмеримо с количеством чиновников в СССР, но следует иметь в виду, что и население, распавшейся страны в 1989 году составляло около 286 000 000 человек.

Возникает вопрос, а что здесь безответственного и в чем деформировано правосознание? Причем речь идет о правосознании руководителей государственных органов, ответственных за их эффективную деятельность. На наш взгляд, деформация видится в том, что в качестве одного из методов решения социальных и экономических проблем выбирается путь бесконечных оптимизаций министерств, ведомств, агентств, реформирования системы органов исполнительной власти, перераспределения полномочий и, самое главное, ответственности за принимаемые решения и долгосрочные последствия таких решений. Система проста — нет ведомства и нести ответственность некому. В связи с этим и возникают вопросы: а такое реформирование и перераспределение есть проявление ответственности или внутренней безответственности, это проявление профессионального правосознания или его деформация? Еще в самом начале реформ в нашей стране, в работах, посвященных правосознанию, отмечался идеалистический мотив принятия новых законов как способа разрешения проблем правового регулирования. Прошло уже более двадцати пяти лет, а идеализм в законотворческой деятельности не только не исчез, но и усугубился представлениями о необходимости постоянного реформирования исполнительных органов государственной власти, за которым в реальной действительности находится фактическая безответственность данных субъектов и деформированное правосознание. И здесь получается другой замкнутый круг: безответственность порождает деформированное правосознание, а деформированное правосознание — безответственность. Возможно, читатель скажет, что мы несколько преувеличиваем проблему, но мы исходим из реальных показателей за последнее десятилетие, а именно: несмотря на осуществляемые реформы органов исполнительной власти не удалось совершить экономический прорыв; существенно не улучшилось качество жизни населения; за последние два года вновь наблюдается уменьшение рождаемости и увеличение смертности; «игра» с методиками подсчета средней продолжительности жизни привела к ее увеличению только на бумаге; по прежнему Россия не выглядит привлекательной для инвестиций мирового капитала из-за высокого уровня коррупции.

Сложность данной составляющей юридической безответственности заключается и в том, что ведомственное нормотворчество осуществляется в рамках полномочий государственных органов, их деятельность носит правомерный характер, а если исходить из концепции позитивной юридической ответственности, то правомерное поведение (деятельность) является внешним выражением позитивной юридической ответственности. Здесь сталкиваются два противоречия: правомерность — это проявление позитивной ответственности, но одновременно она может быть и проявлением внутренней безответственности субъекта, обусловленной деформированным правосознанием.

Еще одна проблема, которую хотелось бы только обозначить в данной статье заключается в буквально насильно насаждаемых в нашей стране западных ценностях, сводящихся к эгоистической концепции, возвеличиванию собственного Я и доведении прав человека до абсур-

да, с определенной избирательностью. Сказанное не означает, что мы выступаем против концепции прав человека, весь вопрос заключается в том, как ее использовать на практике. За последнее десятилетие появилось значительное количество норм, которые обслуживают исключительно интересы правящей элиты, а также правовых норм, появившихся в результате подмены законов подзаконными актами и бурным ведомственным нормотворчеством, которое опять же происходит отчасти и для сохранения самой бюрократической системы. Реакция населения страны на такие нормы — от массового внутреннего невосприятия до нарушения. «Если та или иная норма массово нарушается гражданами, которые в целом не характеризуются антисоциальными установками, то возникает вопрос: а отражает ли она существующие отношения, справедлива ли данная норма? Вполне возможно, что ее закрепили ошибочно и не обязательно, ввиду того, что правящая элита желала утвердить в ней собственные интересы, которые расходятся с интересами большинства членов общества» [20, с. 490]. Вновь мы сталкиваемся с определенным замкнутым кругом, когда дефектная норма, введенная на основе позитивной и правомерной деятельности с внешней стороны, порождает не позитивное, а негативное отношение к ней со стороны граждан. Проблема кроется и в том, что западной правовой культуре свойственны крайний формализм и детализация без оценки как таковой вредности или полезности результата действия правовой нормы, а для отечественной правовой доктрины всегда были характерны как оценка социальной вредности правонарушения, так и оценка социальной полезности правовой нормы с результатом ее исполнения. За понятиями «законодатель», «правотворец» всегда находятся конкретные субъекты — государственные служащие и лица, замещающие государственные должности. Проблема кроется не только в переоценке ими возможностей правового регулирования (правовом идеализме), но и в отраженных в правосознании ценностях, приводящих к ошибкам в правовом регулировании и деформации правосознания. Еще более категорично написал профессор Р.А. Ромашов: «Если говорить о правовых ценностях, закрепленных в действующей российской Конституции, то следует признать, что это ценности западной культуры. Является ли это благом для русской национальной культуры, базирующейся на общественных, а точнее на общинных ценностях православия? Лично я очень сильно в этом сомневаюсь» [22, с. 140]. Добавим, что механическое заимствование в конечном итоге приводит к правовой аномии и безответственности, деформации правосознания и юридической ответственности.

Выводы

1. Разработанное в юридической науке понятие субъективной стороны позитивной юридической ответственности, основанное на схематическом ее понимании в виде сознательных, волевых и эмоциональных процессов, характеризующих само правомерное поведение, требует корректировки с учетом современных реалий правовой жизни, так как внешне правомерное поведение с внутренней стороны может являться безответственным и быть обусловленным деформированным правосознанием. Деформация правосознания властных субъектов — есть одно из проявлений деформации, как позитивной юридической ответственности, так и юридической ответственности в целом.

2. Такие явления, как идеализм, ложно понятые цели правового регулирования характеризуют деформированное правосознание субъекта, внешним проявлением которого является формальное правомерное поведение субъекта, внутренне являющееся безответственным. Правовой идеализм, чрезмерное ведомственное правотворчество излишняя регламентация общественных отношений, обусловленные стремлением к бюрократизации и достижению

ложных целей правового регулирования есть проявление внутренней безответственности. В результате такой деятельности происходит деформация институционального уровня юридической ответственности, что, в свою очередь, порождает правовой нигилизм в обыденном правосознании, а также различные формы девиантного поведения.

Литература

1. Баршев Е., Егоров И. Штраф не по карману // Российская газета. 11 декабря 2020.
2. Безносков Д.С. Социально-психологический анализ отношения личности к праву // Психологический журнал. 2013. Том 34. № 4. С. 36–46.
3. Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 135–149. doi:10.17759/psylaw.2021110111
4. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность — стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб: Юридический центр Пресс, 2008. 187 с.
5. Варламова М.В. Правовой нигилизм в постсоветской России: понимание, истоки, следствия // Драма российского закона. М.: Юридическая книга, 1996. 204 с.
6. Давыдов Л.В. Конфликтная природа и социальный релятивизм безопасности в современной России // Конфликтология. 2014. № 8. С. 211–213.
7. Журман О. Ушли в отрыв. Кто остановит любителей зимней рыбалки? // Российская газета. 3 декабря 2020.
8. Иеринг Р. Борьба за право. М.: Феникс, 1991. 64 с.
9. Ильина В.А. Онтологический подход к познанию системы ценностей юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 143–151. doi:10.17759/psylaw.2020100113
10. Исмаилов А.М., Даничев Н.В. Правовой инфантилизм // Инновационное развитие науки и образования: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2019. С. 117–120.
11. Карташов В.Н. Юридическая культура, антикультура и ответственность в правовой системе общества: Монография. М.: Проспект, 2019. 352 с.
12. Касаткин С.Н. Правосознание как категория правоповедения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. 25 с.
13. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб: Алеф-Пресс, 2015. 540 с.
14. Куликов Е.А. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы). Барнаул: Новый формат, 2016. 302 с.
15. Липинский Д.А. Концепции позитивной юридической ответственности в отечественной юриспруденции // Журнал российского права. 2014. № 6. С. 37–51.
16. Малахов В.П. Теория правосознания: опыт формирования. М., 2020. 335 с.
17. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. Saarbrücken: Lap Lambert, 2012. 363 с.
18. Малюткин А.В. Правовые мнения, правовые верования, правовые привычки и предрасудки, предубеждения, стереотипы правосознания — как устойчивые элементы правовой психологии // Право и государство: теория и практика. 2007. № 3 (27). С. 39–49.
19. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. 510 с.

Малько А.В., Липинский Д.А.,
Зрячкин А.Н., Мусаткина А.А.
Психологические аспекты деформаций
правосознания и юридической ответственности
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 140–153.

Malko A.V., Lipinsky D.A.,
Zryachkin A.N., Musatkina A.A.
Psychological Aspects of Deformations
of Legal Consciousness and Legal Liability
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 140–153.

20. Национальная безопасность, юридическая ответственность и безответственность: проблемы механизма взаимодействия и системных связей / Под ред. Д.А. Липинского. М.: РИОР, 2020. 578 с.
21. Рожков С.П. Теоретические аспекты изучения правосознания в психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2006. № 3 (27). С. 28–30.
22. Ромашов Р.А. Право: нормативность и девиантность. СПб: Алетея, 2018. 190 с.
23. Рыбаков В.А. Позитивная ответственность (воспитательные аспекты). Рязань, 1988. 141 с.
24. Статистика [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 20.04.2021).
25. Ткаченко В.Б. Российский правовой нигилизм: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 23 с.
26. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 50. Ст. 7074.
27. Федоренко К.Г. Правовой нигилизм: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. 28 с.
28. Nelson L. Die Rechtswissenschaft ohne Recht. Die Rechtswissenschaft ohne Recht: Kritische Betrachtungen über die Grundlagen des Staats- und Völkerrechts insbesondere über die Lehre von der Souveranität. Göttingen; Hamburg, 1949. 221 p.
29. Smith M.B. The Personal Setting of Public Opinions: A Study of Attitude toward Russia // The Public Opinion Quarterly. Princeton. 1947. Vol. II. No. 4. P. 507–527.

References

1. Barshev E., Egorov I. Shtraf ne po karmanu. *Rossiiskaya gazeta = Rossiiskaya Gazeta*, 2020, 11 December (In Russ.).
2. Beznosov D.S. Sotsial'no-psikhologicheskii analiz otnosheniya lichnosti k pravu [Sociopsychological analysis of person's attitude to law]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2013. Vol. 34, no. 4, pp. 36–46 (In Russ.).
3. Boykina E.E., Chernov V.A. Pravosoznanie podrostkov pokoleniya tsentinialov: prognosticheskaya otsenka [Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i parvo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 135–149. doi:10.17759/psylaw.2021110111 (In Russ.).
4. Bondarev A.S. Yuridicheskaya otvetstvennost' i bezotvetstvennost' — storony pravovoi kul'tury i antikul'tury sub'ektov prava. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2008. 187 p. (In Russ.).
5. Varlamova M.V. Pravovoi nigilizm v postsovetsoi Rossii: ponimanie, istoki, sledstviya. *Drama rossiiskogo zakona*. Moscow: Yuridicheskaya kniga, 1996. 204 p. (In Russ.).
6. Davydov L.V. Konfliktnaya priroda i sotsial'nyi relyativizm bezopasnosti v sovremennoi Rossii [Conflict nature and social relativism of the safety in modern Russia]. *Konfliktologiya = Conflictology*, 2014, no. 8, pp. 211–213 (In Russ.).
7. Zhurman O. Ushli v otryv. Kto ostanovit lyubitelei zimnei rybalki? *Rossiiskaya gazeta = Rossiiskaya Gazeta*, 2020, 3 December (In Russ.).
8. Jhering von R. Bor'ba za pravo [Kampf um's Recht]. Moscow: Feniks, 1991. 64 p. (In Russ.).
9. Ilyina V.A. Ontologicheskii podkhod k poznaniyu sistemy tennosti yuridicheskoi psikhologii [Ontological Approach to Knowledge of the Legal Psychology Value System] [Elektronnyi resurs].

Малько А.В., Липинский Д.А.,
Зрячкин А.Н., Мусаткина А.А.
Психологические аспекты деформаций
правосознания и юридической ответственности
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 140–153.

Malko A.V., Lipinsky D.A.,
Zryachkin A.N., Musatkina A.A.
Psychological Aspects of Deformations
of Legal Consciousness and Legal Liability
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 140–153.

Psikhologiya i parvo = Psychology and Law, 2020. Vol. 10, no. 1, pp. 143–151.
doi:10.17759/psylaw.2020100113 (In Russ.).

10. Ismailov A.M., Danichev N.V. Pravovoi infantilizm [Legal infantilism]. *Innovatsionnoe razvitiye nauki i obrazovaniya: sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Penza: MTsNS “Nauka i prosveshchenie”, 2019, pp. 117–120 (In Russ.).

11. Kartashov V.N. Yuridicheskaya kul'tura, antikul'tura i otvetstvennost' v pravovoi sisteme obshchestva: Monografiya. Moscow: Prospekt, 2019. 352 p. (In Russ.).

12. Kasatkin S.N. Pravosoznanie kak kategoriya pravovedeniya: Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Kazan, 2003. 25 p. (In Russ.).

13. Kelsen H. Chistoe uchenie o prave [Pure Theory of Law]. 2nd ed. Saint Petersburg: Alef-Press, 2015. 540 p. (In Russ.).

14. Kulikov E.A. Teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti (problemnye voprosy). Barnaul: Novyi format, 2016. 302 p. (In Russ.).

15. Lipinsky D.A. Kontseptsii pozitivnoi yuridicheskoi otvetstvennosti v otechestvennoi yurisprudentsii [Concepts of Positive Legal Responsibility in the Russian Jurisprudence]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2014, no. 6, pp. 37–51 (In Russ.).

16. Malakhov V.P. Teoriya pravosoznaniya: opyt formirovaniya. Moscow, 2020. 335 p. (In Russ.).

17. Malko A.V. Stimuly i ogranicheniya v prave: teoretiko-informatsionnyi aspekt [Incentives and restrictions in law: theoretical and informational aspect]. 3rd ed. revised and enlarged. Sarbruken: Lap Lambert, 2012. 363 p. (In Russ.).

18. Malyutkin A.V. Pravovye mneniya, pravovye verovaniya, pravovye privyichki i predrassudki, predubezhdeniya, stereotipy pravosoznaniya — kak ustoychivye elementy pravovoi psikhologii [Legal opinions, legal beliefs, legal habits and prejudices, bias, stereotypes of law consciousness — as stable elements of legal psychology]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2007, no. 3 (27), pp. 39–49 (In Russ.).

19. Matuzov N.I. Aktual'nye problemy teorii prava. Saratov, 2003. 510 p. (In Russ.).

20. Lipinsky D.A. (ed.). Natsional'naya bezopasnost', yuridicheskaya otvetstvennost' i bezotvetstvennost': problemy mekhanizma vzaimodeistviya i sistemnykh svyazei. Moscow: RIOR Publ., 2020. 578 p. (In Russ.).

21. Rozhkov S.P. Teoreticheskie aspekty izucheniya pravosoznaniya v psikhologii. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2006, no. 3 (27), pp. 28–30. (In Russ.).

22. Romashov R.A. Pravo: normativnost' i deviantnost'. Saint Petersburg: Aleteya, 2018. 190 p. (In Russ.).

23. Rybakov V.A. Pozitivnaya otvetstvennost' (vospitatel'nye aspekty). Ryazan, 1988. 141 p. (In Russ.).

24. Statistika [Statistics] [Elektronnyi resurs]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki = Federal State Statistics Service*. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (Accessed 20.04.2021). (In Russ.).

25. Tkachenko V.B. Rossiiskii pravovoi nigilizm: Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Moscow, 2000. 23 p. (In Russ.).

26. Ukaz Prezidenta RF ot 5 dekabrya 2016 g. No. 646 “Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii”. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii = Sobranie Zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii*, 2016, no. 50, iss. 7074.

Малько А.В., Липинский Д.А.,
Зрячкин А.Н., Мусаткина А.А.
Психологические аспекты деформаций
правосознания и юридической ответственности
Психология и право. 2022. Том 12. № 4. С. 140–153.

Malko A.V., Lipinsky D.A.,
Zryachkin A.N., Musatkina A.A.
Psychological Aspects of Deformations
of Legal Consciousness and Legal Liability
Psychology and Law. 2022. Vol. 12, no. 4, pp. 140–153.

27. Fedorenko K.G. *Pravovoi nigelizm: Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. Nizhny Novgorod*, 2001. 28 p. (In Russ.).
28. Nelson L. *Die Rechtswissenschaft ohne Recht. Die Rechtswissenschaft ohne Recht: Kritische Betrachtungen über die Grundlagen des Staats- und Völkerrechts insbesondere über die Lehre von der Souveranität*. Göttingen-Hamburg. 1949. 221 p.
29. Smith M.B. *The Personal Setting of Public Opinions: A Study of Attitude toward Russia. The Public Opinion Quarterly. Princeton*. 1947. Vol. II, no. 4, pp. 507–527.

Информация об авторах

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, профессор, кафедра конституционного и административного права, Институт права, Тольяттинский государственный университет (ФГБОУ ВО ТГУ), г. Тольятти, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедра конституционного и административного права, Институт права, Тольяттинский государственный университет (ФГБОУ ВО ТГУ), г. Тольятти, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>, e-mail: dmitri8@yandex.ru

Зрячкин Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедра теории государства и права, Саратовская государственная юридическая академия (ФГБОУ ВО СГЮА), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8349-6632>, e-mail: alnikol@yandex.ru

Мусаткина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент, кафедра конституционного и административного права, Институт права, Тольяттинский государственный университет (ФГБОУ ВО ТГУ), г. Тольятти, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6974-082X>, e-mail: musatkinaaa@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Malko, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Dmitry A. Lipinsky, Doctor of Law, Professor, Head, Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1870-069X>, e-mail: dmitri8@yandex.ru

Alexander N. Zryachkin, PhD in Law, Docent, Associate Professor, Department of Theory of State and Law, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8349-6632>, e-mail: alnikol@yandex.ru

Alexandra A. Musatkina, PhD in Law, Docent, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Institute of Law, Togliatti State University, Togliatti, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6974-082X>, e-mail: musatkinaaa@mail.ru

Получена 21.08.2021
Принята в печать 21.04.2022

Received 21.08.2021
Accepted 21.04.2022